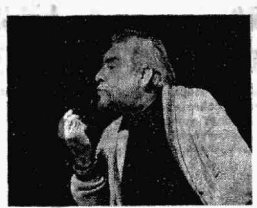

18 июля 1983

● Точка зрения

Андрей ГОНЧАРОВ: МАСШТАБ ГЕРОЯ ИЗМЕРЯЕТСЯ ЖИЗНЬЮ

Главный режиссер Московского академического театра имени Вл. Маяковского, народный артист СССР А. Гончаров как-то заметил, что сейчас надо пересматривать арсенал выразительных

средств театра: чуть ли не каждые пять-семь лет, иначе может нарушиться обратная связь сценки и зала. Вроде театр, тарелый таин беседы Андрей Гончарова с нашим корреспондентом.

— Андрей Александрович, вы работаете в театре им. Вл. Маяковского уже шестнадцатый сезон. Можете вы предугадать судьбу нового спектакля, предвидеть, что принесет зритель — успех, неудачу?

— Думаю, что этого не сможет сделать никто. Я скептически отношусь к утверждению о том, что тот или иной спектакль обречен на успех. Так не бывает, ибо успех и провал — это далеко не одно и то же... Но мы в нашем театре при выборе новой работы всегда вспоминаем слова А. Герцена: «Если в пьесе нету мыслей, которые вы собираетесь выразить своим спектаклем, если нету их в зрительном зале, то сколько бы вы ни старались, ничего из этого не произойдет...»

На юбилейном Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что в современном мире происходит резкое, небывалое за весь послевоенный период обострение борьбы двух полюсов противоположных мировоззрений. И это положение для меня является определяющим при размышлениях о том, чем следует заниматься в первую очередь.

Нынешний театралы сезон для нашего театра особенный — мы отмечаем 60 лет его жизни. Истории своего театра мы гордимся, а ней — истоки нашего современного видения мира. Напомню: на фронтах гражданской войны хорошо знали театр революционной сатиры. В 1922 году В. З. Мейерхольд на основе Терзентаса, как тогда говорили, создал Московский театр Революции.

— Какими они были, эти первые шаги?

— Если говорить коротко, то они включали в себя сочетание классического и современного репертура, упорный поиск путей к новому зрителю, и тем прекрасным людям, которые совершили революцию, преодолели разруху, взялись за несомненно великое дело — строительство социализма. Впоследствии в нашем театре в разные годы были поставлены «Первая Конная» Вс. Вишневского, «Поэма о топоре» Н. Ф. Погодина, его же «Мой друг и

«После бала». В спектакле «Правда» А. Корнейчука М. М. Штраухом был создан образ Ленина. И в то же время у нас шли «Доходное место» А. Островского, «Ромео и Джульетта» Шекспира, «Собака на сене» Лопе де Вега... Впрочем, перечисление — это почти всегда некий вид отчуждения, а отчуждение театру даже перед публикой не очень к лицу... — Почему же, Андрей Александрович? На спектакли театра имени Вл. Маяковского сегодня попасть трудно — аншлаги. Однако так было не всегда.

— Да, мы помним и те дни, когда, как печально мы шутим, борьба «ангелов с архангелами», хорошего с еще лучшим на театральной сцене проходила при полупустых залах.

— Только ли это была причинной пустоты в зале?

— Нет, конечно. Любый театр силен не только репертуаром, но и режиссерами, актерами. В наш театр шли на «Такого» и «Иркутскую историю» Арбузова, но шли также и для того, чтобы посмотреть работы режиссеров А. Д. Попова, Н. П. Охлопкова, В. М. Бобутова, И. Ю. Шлегельнова, Н. В. Петрова, А. М. Лобанова, яру замечательных актеров М. Ф. Станюкова, Д. Н. Орлова, С. А. Мартынова, Л. Н. Свердловки, А. А. Ханова...

— Наверное, не очень просто быть на высоте тех требований, которые были формулированы в издательские годы биографии театра?

— У каждого времени — свои требования. Но есть и общее, то, о чем я уже говорил. Настоящий театр всегда предпосылает конфликт. Театр всегда социален, гражданствен, и в этом его сила. Вспомним, как я открыл для себя последнее «социальное» кино. Это произошло тогда, когда на его экране появился «Председатель». Трубников буквально потряс меня силой противостояния разрушенному и жаждой восстановления его.

Помню и свое открытие В. Шукшина. Я поставил его «Характеры», сделал инсценировку из его пьес, из новеллы. «Характеры» шли у нас пять

лет. Начали я сидел в этом помещении театра, где находимся мы сейчас, аншесте со своими учениками. Теперь они уже учат других. Тогда же первую свою драматическую пьесу он написал для нас. Это были «Застенчивые люди». Вот, пожалуй, тоже пример того, о чем я говорил. Для меня написанное В. Шукшиным масштабно — в центре его творчества такая глобальная проблема, как человек и научно-техническая революция. Не все согласится с мыслью, что человечество порою отстает перед натиском научно-технической революции. А мне кажется, что надо обязательно говорить о необходимости усиления запаса духовной стойкости в людях. И борьба духовного начала с бездуховным, с нравственной пустотой, перерастающей порою в жестокость, — вот тема для театра, ибо это основа многих человеческих конфликтов.

Как нам удается ее решать? По-разному. Откровенно скажу, что не хватает нам в драматургии «пристрастие» описания, родников. И поэтому мы расширяем свои интересы, стараемся внедрить в театр многожанровые формы. Театралышны приемы диалога со зрителем. В жизни у нас очень много различных нюансов в разговоре с партнером, очень много. Почему же со сцены мы должны говорить только одним языком? А характер разговора, его интонация, очень часто определяют многое в его содержании. В театре — все главное... Расширяя этот диапазон разговора со зрительным залом, театр три года работал над пьесой Розовского о Маяковском. Называется она «Маяковский начинался» и сделана целиком на серии стихов раннего Маяковского.

— Позволяет ли возвращаться к тому, о чем уже был разговор? Неужели в нашей современной драматургии действительно мало «разных» людей? В нынешнем сезоне в афишу нашего театра появилось несомненно новое имя...

В прошлом году велось немало разговоров о «новой волне» в драматургии. Но я бы посмотрел на «структуру» новой волны не только с точки зрения новых имен, но прежде всего — содержания. Что несет эта «волна» с собою — глубину или мелатемье? Каков он, современный герой, в представлении современных драматургов? Вспомню опыт подсказывает: зритель интереснее человека, его внутренний мир, процессы, происходящие в нем. Мы поставили у себя пьесу В. Арро «Смотрите, кто пришел!», считая ее лучшей. Ставил ее Б. Морозов, ныне главный режиссер Театра им. А. С. Пушкина. Пьеса, на мой взгляд, интересная — в ней обнажен новый социальный срез, она показывает корни современного нещадства. Герой противопоставлен коммунальным интеллигентам, распродающим свои «вишневые сады»...

— Перед вами, Андрей Александрович, на сцене проходят десятки и сотни самых разнообразных людей. Не будем говорить о личности исторических, о них многое уже сказано, но о людях на сцене, о современниках, о тех, кто живет сейчас? Какие чисто человеческие черты вам ближе в жизни?

— Человек — идеал? Представление о нем тоже периодически меняется и с возрастом, и по ряду многих причин. Но всегда должно оставаться главное: твердость нравственных позиций. К сожалению, встречается немало людей, у которых

такие понятия, как добропорядочность, честность, вызывают ироническую улыбку. Нельзя допускать, чтобы высокие нравственные ценности не реализовались! Нельзя терпеть их на сцене, ни в жизни худшую фальшь и демагогию, когда дорогие нам слова приправляются пустотой и равнодушием. Человек действия и поступка мне ближе всего.

— Человек действия и поступка? А умение любить и быть верным чувству?

— Верность и преданность — эти качества я очень и очень ценю. И какое счастье тому, у кого они есть в реальной жизни. Хотя в жизни есть все! Рядом с этими чувствами я бы поставил героизм. Мне довелось встретить в жизни много настоящих героев. Вот здесь, рядом с нами — улица Наташи Качуевской, ушла бы память! Она была секретарем комитета комсомола, она провозглашала меня на фронт и выходила меня в госпиталь... Таких примеров в жизни много, а вот в драматургии...

— Вот мы и снова возвращаемся к теме — современного героя и искусства?

— Это ведь важно! Разве в сегодняшней жизни мало таких конфликтов, ситуаций, которые требуют от человека мужества, силы духа, подлинно гражданских позиций? И разве не аксиома, что значительные социальные-нравственные коллизии могут быть раскрыты только через характеры крупные, масштабные?

Кто он, герой? Человек с верой, человек с идеалами! Это и добрый Дон-Кихот, и Сократ, и мужественный Егор Трубников... Они понятны людям именно потому, что откликаются масштабом мысли и действия.

Мы сейчас ставим уже четвертую пьесу Генриха Боровика. Почему мы так активно сотрудничаем с этим автором? Да не по той ли причине: его драматургия отталкивает масштабности тем, глобальности положенных в ее основу междоусобиц конфликтов.

Трудно, порою просто невозможно провести грань между историей и современностью.

Три года у нас уже идет пьеса С. Радзиского «Она в присутствии любви и смерти». Это пьеса современная. Однако, как я считаю, можно говорить о зрелищности, о современности и тогда, когда на сцене — события давно минувших дней. К примеру, Сократ из пьесы Э. Радзиского интересен именно потому, что это человек, который дерзает за нравственный идеал: он готов за него выпить чашу и умереть...

Сейчас мы ставим спектакль того же Э. Радзиского «Театр времен Нерона и Сенеки». О прошлом спектакль или о том, что волнует и теперь? Я на этот вопрос даю себе ответ так: заходит же живое кино Дон-Кихота и сегодня не ветряные мельницы, а вполне реально существующие цели для меня Дон-Кихот — смешной чудак — он герой. Не так просто бесконечно поверить во все идеальное. А он поверил, отстаивал свои идеалы, и был способен пожертвовать собою... Я бы хотел, чтобы сегодня появилась мой современник, способный с той отчаянной полнотой идеала! Но такой пьесы нашему театру пока не предвидится...

— Подождем, Андрей Александрович?

— Ждать нет времени, надо работать...

Владимир ВЕЛД
Н. КИРИН